

А.А.Манухин

Встреча двух революций

Мексика в советской внешнеполитической стратегии (1919—1930)

В статье рассматриваются важные аспекты советской политики в Мексике, начиная с деятельности первых эмиссаров Москвы в этой латиноамериканской стране, до разрыва дипломатических отношений в 1930 г. На основе новых источников автор анализирует причины трудностей, существовавших на пути официальной дипломатии и Коминтерна. Большое внимание уделяется влиянию наследия мексиканской революции, а также взглядам советских дипломатов и политических лидеров на социальную структуру и государственный строй Мексики.

Ключевые слова: революция, социализм, коммунизм, Коминтерн, Россия, СССР, Мексика, США.

ДВЕ СТРАНЫ, ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Россия и Латинская Америка в начале XX в. имели весьма ограниченные контакты. Российская империя являлась крупнейшей континентальной державой мира, объективные экономические и военно-стратегические интересы которой не располагали к большой активности в Западном полушарии. Она поддерживала дипломатические и торговые отношения с государствами Латинской Америки, которые отечественные исследователи в целом характеризуют как успешные и имевшие перспективы на будущее¹. На протяжении XIX в. путешественники из России посещали латиноамериканские страны, оставляя воспоминания, научные и публицистические статьи². Постепенно они переходили от простого бытописания к анализу местного общественного строя и культуры³. Однако в целом взаимный торговый оборот был невелик, а русские колонии в Латинской Америке малочисленны.

Революция 1917 г. в России привлекла внимание всего мира. Социалистический эксперимент большевиков вызывал закономерный интерес в странах, где разворачивались процессы интенсивной трансформации традиционного и аграрного общества в «модернизированное» индустриаль-

Алексей Анатольевич Манухин — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н.Э.Баумана (Warcraftdouble@yandex.ru).

ное, поиска национальной идентичности и повышения статуса своей страны в системе международных отношений. Так было в Мексике, которая в 1910—1917 гг. пережила собственную революцию.

В отечественной исторической науке существуют обстоятельные исследования развития отношений Советской России (СССР) и Мексики в межвоенный период. Советская историография представлена, прежде всего, работами Александра Ивановича Сизоненко, посвященными преимущественно развитию дипломатических, экономических и культурных связей СССР со странами Латинской Америки, в частности с Мексикой⁴. В постсоветской латиноамериканистике большой вклад в изучение этой проблемы был внесен Лазарем Соломоновичем и Виктором Лазаревичем Хейфецами, которые сделали акцент на роли Мексики в действиях Коминтерна на американском континенте⁵. Цели данной статьи — проанализировать соотношение дипломатической и «партийной» составляющей кремлевского внешнеполитического курса применительно к Мексике и выявить причины трудностей, с которыми сталкивалась дипломатия Москвы.

Мексиканские исследователи отмечают принципиальное различие между революцией в их стране и России. Так, по словам известного мексиканского историка и дипломата Эктора Карденаса, «в то время, как мексиканская революция стала результатом необходимости осуществить структурные изменения социально-политического характера, в интересах мексиканского народа, большевистская революция зародилась как движение, ориентированное интернационально, для предполагаемого блага международного пролетариата»⁶. Автор развенчивает «романтическое восприятие сходства революционных движений двух стран»⁷.

Нельзя не согласиться с тем, что база, характер протекания и последствия революционных перемен в России и Мексике существенно различались. Вопрос о земле был важен для обоих государств, однако мексиканское крестьянство проявило более высокую способность к самоорганизации и активному вмешательству в процессы переустройства страны. После окончания революции это проявилось в том влиянии, которое оказывали на локальную социально-политическую обстановку Лиги аграрных коммун, порой заставлявшие американские нефтяные компании идти на временные уступки⁸.

В мексиканской революции, в отличие от русской, политические партии как механизм привлечения сторонников и дискредитации противников, идеологизации масс играли скромную роль. Ни одна политическая сила не исповедовала учения, сравнимого по уровню теоретической разработанности с марксизмом. Сам же марксизм в Мексике еще до начала революции серьезно проигрывал в популярности анархо-синдикализму, что отдаляло мексиканскую «левую» от традиции европейской и североамериканской социал-демократии и сближало ее с Испанией и Италией⁹. Несмотря на исключительную роль армии, а также создание в 1929 г. «партии власти» — Национально-революционной партии (Partido Nacional Revolucionario)*, после революции Мексика формально развивалась в русле пред-

* Впоследствии — Партия мексиканской революции (Partido de la Revolución Mexicana), затем — Институционно-революционная партия (Partido Revolucionario Institucional, PRI). Сохраняет последнее название до сих пор. Бессменно правила страной с момента основания в 1929 г. и вплоть до 2000 г. В 2012 г. вновь вернулась к власти, выиграв президентские выборы.

ставительной демократии. Наконец, у нее был самостоятельный опыт революционного «миссионерства»: так, на момент принятия конституции 1917 г. в США действовало Мексиканское новостное бюро (Mexican News Bureau)*, которое пропагандировало успехи революционного правительства в модернизации всех сфер жизни страны¹⁰. В 1918 г. мексиканский президент Венустиано Карранса (1917—1920) провозгласил свою «доктрину», провозглашавшую недопустимость вмешательства «великих держав» во внутренние дела «малых стран»¹¹. В какой-то мере это был ответ и на советский Декрет о мире, и на «14 пунктов» президента США Вудро Вильсона.

МЕКСИКА И «АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КОМИНТЕРНА

Хорошо известно, что на внешнюю политику Советского государства в 1920-е годы оказывало представление о приоритете «революционных» задач над собственно дипломатическими. Однако перед лицом объективных трудностей, вызванных Гражданской войной и международной изоляцией, большевики взяли курс на мирные и взаимовыгодные отношения с капиталистическими странами¹². Преувеличивать эти противоречия неправомерно, так как руководители Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), отстаивая советские государственные интересы на международной арене, не забывали заботиться и о поддержке коммунистических партий в других странах. Тем не менее между теми советскими дипломатами, которые вели себя, прежде всего, как агенты Коммунистического Интернационала, и руководством НКИД во главе с Георгием Васильевичем Чичериным, как и между самими структурами, порой возникали противоречия¹³. Поначалу большевики практически не располагали никакой информацией о положении в Мексике. В январе 1919 г. будущий большевистский эмиссар в Мексике Михаил Маркович Бородин (Грузенберг) отмечал: «Латинская Америка сейчас кажется такой далекой, словно это другая планета»¹⁴. Сам Владимир Ильич Ленин считал бессмысленным отделять латиноамериканское левое движение от североамериканского¹⁵. Мексика воспринималась лишь как удобный плацдарм для революции в масштабах обеих Америк.

* Информагентство мексиканского правительства в Вашингтоне и Нью-Йорке действовало с начала переговоров мексиканских представителей с делегатами администрации Вудро Вильсона по вопросу вывода из Мексики американских войск под командованием генерала Джона Джозефа Першинга. Оно занималось пропагандой идей либерального конституционализма и либеральных реформ в духе идеологии Венустиано Каррансы. К концу 1919 г. практически свернуло свою деятельность после очередного ухудшения отношений между обеими странами.

Первоочередной целью миссии М.М.Бородина в Мексике летом-осенью 1919 г. была работа по созданию коммунистической партии.

На тот момент страна была полна левых иммигрантов из разных частей мира, в первую очередь из США. Большинство из них не занимали враждебных позиций по отношению к правительству президента Карран-

«Северный кентавр» Панчо Вилья

сы¹⁶. Стараниями Бородина в сентябре 1919 г. была создана Мексиканская коммунистическая партия, которая вошла в Коминтерн. Мексиканское правительство не только не чинило препятствий эмиссару Москвы, но и позволяло ему отправлять телеграммы через дипломатических представителей Мексики в Европе. При этом официальная часть миссии Бородина, состоявшая в установлении дипломатических отношений между РСФСР и Мексикой с назначением его генеральным консулом в Мехико и учреждении Русско-мексиканской торговой палаты не имела никаких реальных последствий¹⁷. Основой тактики партии, в соответствии с платформой Коминтерна, должны были стать антиэлекторализм и ориентация исключительно на путь революционной борьбы¹⁸.

В мае 1920 г. правительство Каррансы было свергнуто «движением Агуа-Приеты», коалицией сил из числа военно-революционной элиты, во главе которого стоял «триумvirат из Соноры»: генералы Альваро Обрегон, Адольфо де ла Уэрта и Плутарко Элиас Кальес. Новый режим, получивший в литературе название «революционный каудильизм», выдвинул задачу «реконструкции» страны на капиталистическом фундаменте при уничтожении «привилегий» как наследия дореволюционного прошлого. Он апеллировал к «классовому миру», часто использовал термин «социализм», понимая под ним «социальную справедливость, приспособленную к мексиканским условиям»¹⁹.

В скором времени сформировался основной блок вопросов, стоявших перед правительством президента Альваро Обрегона (1920—1924): получение дипломатического признания со стороны США и ведущих стран Европы, проведение аграрной реформы, предоставление рабочим подлинных прав на основе конституции, реформирование народного образования. На сторону Обрегона встала мощная Мексиканская региональная рабочая конфедерация (Confederación Regional Obrera Mexicana, CROM), недовольная политикой каррансистов. Она пользовалась поддержкой Американской федерации труда (American Federation of Labor, AFL), крупнейшего американского профсоюза, активно сотрудничавшего с Белым домом. Многолетний лидер AFL Сэмюэль Гомперс неоднократно выступал посредником между двумя странами при обострении отношений. AFL также помогала CROM в борьбе мексиканских рабочих-эмигрантов в США за равные права²⁰. В свою очередь CROM стала главным союзником AFL в рамках Пан-

Начдив РККА Василий Чапаев

ского Бюро расследований, осведомленного почти о всех прибывающих в Мексику и США коммунистах²². Перед лицом явных успехов мексиканских властей Москва была вынуждена сменить тактику, на время отказавшись от «американской» революции в целом и выступив с идеей поддержки коммунистами «революционно-демократического правительства» Мексики²³. Это предопределило неизбежность поворота политики Кремля в отношении Мексики в русло официальной дипломатии.

НА ПУТИ К ВЗАИМНОМУ ПРИЗНАНИЮ

Прелюдией дипломатических контактов между Советской Россией и Мексикой стали действия правительства Обрегона по оказанию помощи голодающим Поволжья. 20 февраля 1921 г. к президенту Мексики обратился с письмом врач Давид Дубровский, американский гражданин и представитель Русского Красного Креста в США. Мексиканский конгресс принял решение оказать материальную помощь России. Представители леволиберальной интеллигенции, студенческие, женские и рабочие организации провели ряд благотворительных праздников, литературных собраний, митингов и даже корриду, доходы от которых поступали в фонд помощи

американской федерации труда. В 1922 г. была создана Национальная аграрная комиссия, приступившая к более последовательному, чем прежде, восстановлению земельных прав общин и отдельных хозяйств. В мае 1923 г. при посредничестве банковского Дома Морганов между США и Мексикой были заключены Букарельские соглашения, по которым американские предприниматели сохраняли за собой нефтяные месторождения в случае, если их разработка началась до принятия конституции 1917 г., и учреждалась «Специальная конвенция по искам», в которую могли обращаться американские граждане²¹. После этого администрация президента Уоррена Гардинга признала правительство Обрегона де-факто.

В этих условиях мексиканские коммунисты оказались на периферии. Компартия действовала легально, но не имела шансов привлечь рабоче-крестьянские массы. В руководстве партии происходила ожесточенная борьба, а лидеры, включая генерального секретаря, являлись тайными информаторами американ-

русским голодающим. Некоторые публицисты обращались к властям с предложением разместить русских детей в мексиканских школах²⁴.

Окончательное решение о правительственной помощи России президент Обрегон принял после личной встречи с Дубровским 15 января 1922 г. при посредничестве губернатора штата Юкатан, яркого радикального политика, социалиста Фелипе Карильо Пуэрто. На переданные Красному Кресту средства была построена курортная больница в Ялте²⁵. Таким образом, неофициальные контакты и общественные настроения в Мексике были значимым фактором для сближения двух стран. Обрегон увидел, что за счет этого он сможет укрепить свои позиции внутри страны, в Москве же получили доказательства того, что с правительством постреволюционной Мексики можно и нужно выстраивать отношения.

Следует отметить, что в НКВД уже в конце 1921 г. поступали предложения от представителей русской эмиграции в Мексике по налаживанию двусторонних связей. «Несмотря на влияние США, сейчас в различных кругах, близких к мексиканскому правительству, существует довольно благоприятная ситуация для установления отношений с РСФСР, хотя бы торговых, а потом уже и официальных дипломатических», — писал 27 ноября 1921 г. на имя Чичерина некто, подписавшийся как Энрике Мартин, сообщив контакты лиц в Мехико, способных выступить посредниками²⁶. Никакого практического результата эти обращения не дали, тем более, что авантюристов всех мастей в Мексике было достаточно. Характерно в этой связи, что НКВД останавливал попытки самого мексиканского правительства назначить в Россию «почетных консулов» из числа русских эмигрантов или мексиканских военных²⁷.

Напротив, контакты с любыми представителями мексиканского политического истеблишмента рассматривались как полностью отвечающие советским интересам. Показательным в плане механизма сближения двух стран являлось то, что в качестве своеобразного «моста» здесь выступала Германия. Подобно Советской России, она после Версальского мира находилась в неравноправном положении в рамках складывавшегося послевоенного миропорядка, что предопределило достаточно быструю нормализацию двусторонних отношений, начиная с Рапалльского соглашения 16 апреля 1922 г.

Вождь крестьян Эмилиано Сапата

Михаил Маркович Бородин (Грузенберг)

В конце 1922 — начале 1923 гг. через советское полпредство в Берлине при посредстве Дубровского велись переговоры о визите в СССР лидера CROM, сенатора, а позднее министра промышленности, торговли и труда Луиса Моронеса, сыгравшего важную роль в организации продовольственной помощи. Визит не состоялся из-за формальностей советского делопроизводства: Моронес почувствовал себя оскорбленным тем, что ему предложили заполнить положенные анкеты²⁸. Значительный интерес в НКВД и Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) вызвал поступок Карильо Пуэрто, обратившегося через того же Дубровского с планом прямого экспорта из штата Юкатан в СССР хенекеновой пеньки. Социалистические конгресс и администрация штата были готовы поставлять

это сырье на 33 % ниже рыночной цены, а половину суммы взять в рассрочку бартерными поставками советского полотна²⁹. Но Мехико не дал «зеленый свет» этому плану, настаивая на централизованной торговле.

Однако ощутимого сближения в течение 1923 г. не происходило. Первый заместитель наркома иностранных дел Максим Максимович Литвинов указывал Николаю Николаевичу Крестинскому и полпреду в США Борису Евсеевичу Сквирскому на то, что мексиканцы напрасно осторожничают, предлагая установить отношения в виде взаимного обмена торговыми комиссиями, так как в теперешней обстановке это едва ли вызвало бы реальный отпор со стороны США³⁰. Однако ни в Москве, ни, возможно, в Мехико не могли предвидеть события, которому суждено было сыграть значительную роль в ускорении установления официальных дипломатических отношений, — мятежа Адольфо де ла Уэрты (1923—1924 гг.). Президент Обрегон обнаружил отсутствие у правительства прочной поддержки в среде военных (до двух третей командующих на местах тут же откликнулись на призыв де ла Уэрты восстать) и, наоборот, ее наличие в рабоче-крестьянской среде. Правительству удалось устоять, только раздав оружие, закупленное в США, профсоюзам и крестьянским лигам, вставшим на защиту завоеваний революции. К весне 1924 г. восстание было подавлено.

Полпред Крестинский с искренним недоумением писал Литвинову о беседе с мексиканским послом в Берлине: «На мой вопрос, почему Соединенные Штаты поддерживают не буржуазию, возглавленную де ла Уэртой, а мелкую буржуазию и пролетариат, на которые опирается Обрегон, Рубио не мог ответить. Я спросил, не выдвигает ли де ла Уэрта национально-освободительных лозунгов и не борется ли он за интересы национальной буржуазии против американских нефтепромышленников. Рубио ответил,

что национальных лозунгов, отличных от лозунгов Обрегона, у де ла Уэрты нет»³¹. Здесь отчетливо проявилось непонимание специфики мексиканских политических реалий, где, в отличие от личных амбиций и интересов, идеологические различия и политические платформы подчас играли ничтожную роль. Неслучайно, на стороне де ла Уэрты действовали не только «помещики, церковь и крупная буржуазия», но также некоторые из наиболее радикальных генералов революционной поры³².

После подавления мятежа произошло резкое отклонение мексиканского политического вектора влево. Соответственно, более динамично стало развиваться и дипломатическое сближение между Мексикой и СССР. Основная подготовительная работа по обмену миссиями прошла весной-летом 1924 г.³³. Для успешного развития торговых и культурных связей представители Москвы должны были иметь опыт дипломатической работы, но, чтобы сохранять авторитет СССР в глазах рабочих, крестьян и левой интеллигенции, им было необходимо поддерживать имидж революционеров.

«Революционность» мексиканского правительства действительно оценивалась в НКВД высоко: во время пребывания избранного президента Плутарко Элиаса Кальеса (1924—1928) на лечении в Германии полпред Крестинский обратился к нему с предложением посетить СССР, что было в принципе воспринято им положительно. Чичерин, в ответной записке в ЦК партии, отмечал: «Мексиканское правительство есть формально рабоче-крестьянское, т.е. опирается на рабочие профсоюзы (правда, соглашательски настроенные) и на крестьянскую партию»³⁴. Несомненно, согласие Кальеса было умелым дипломатическим ходом, так как он не мог рисковать утратой доверия США.

В то же время НКВД не мог позволить советскому дипломату «заниматься проведением коммунистической пропаганды лишь в свободное от работы время», поскольку сам был тесно связан с КИ³⁵. Поэтому уже при выборе полпреда Чичерин в записке для председателя Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) Григория Евсеевича Зиновьева и главы Отдела международных связей ИККИ Осипа Ароновича Пятницкого отмечал: «Мы приступаем к обмену посланниками с Мексикой, где сейчас левое правительство из радикальной буржуазии и правого крыла рабочего дви-

Генерал Альваро Обрегон, президент Мексики в 1920—1924 гг.

Фелипе Карильо Пуэрто. Мексиканский социалист, губернатор штата Юкатан в 1922—1924 гг.

жения. Наше будущее мексиканское полпредство может быть чрезвычайно серьезно использовано для американских задач»³⁶.

ПЕСТКОВСКИЙ И КОЛЛОНТАЙ: ДВА СТИЛЯ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В МЕКСИКЕ

Станислав Станиславович Пестковский, выходец из польских дворян, известный большевик-подпольщик и агитатор Западного фронта во время Гражданской войны, получил пост полпреда в Мексике 4 августа 1924 г. и оставался на нем до 1926 г. С мексиканской стороны послом в СССР был назначен видный деятель Кооперативной партии, представлявшей среднюю буржуазию и умеренную интеллигенцию, профессор Басилио Вадильо, занимавший до этого пост посланника в Норвегии³⁷. Назначение Пестковского не было исключительно «партийным», так

как первой в качестве наиболее желательного кандидата его предложила коллегия НКВД, а Зиновьев и Пятницкий выступали за кандидатуру Генрика Валецкого, представлявшего в Коминтерне польскую компартию³⁸.

Пестковский участвовал в советско-польской комиссии по территориальным вопросам вместе с Леонидом Яковлевичем Хайкисом, который стал секретарем советского полпредства в Мексике. Революционные задачи были для Пестковского на первом месте. Вместе с ним прибыли несколько «русских товарищей», которые должны были выступать наставниками мексиканских коммунистов. Пестковский имел от Коминтерна полномочия, которые позволяли ему производить важные кадровые перестановки в КПМ. В результате он вступил в конфликт с Эдгаром Воогом («Штирнером»), референтом ИККИ по Латинской Америке³⁹. В отношении мексиканского правительства у него были завышенные ожидания. На встрече с Кальесом в Германии Пестковский выразил надежду, что «другие государства Средней и Южной Америки ... считают мексиканский народ своим авангардом в борьбе против иностранного империализма», и «не оставят мексиканский народ без поддержки в его борьбе», на что мексиканский политик отреагировал уклончивым скептицизмом⁴⁰.

Несмотря на выражение симпатии к СССР, мексиканские политики никогда не заявляли о совпадении целей. Как отмечалось выше, «социализм» интерпретировался режимом «революционного национализма», прежде всего, как социальная справедливость для мексиканской нации. Президент Обрегон так высказывался о русской революции: «...Еще не пришло время судить о деле России ... принесла ли ее трансформация пользу общему благу или нет»⁴¹. В ходе процедуры вручения верительных грамот Пест-

ковским 7 ноября 1924 г. Обрегон делал акцент на то, что Мексика всегда признавала неоспоримое право всех народов установить у себя такое правительство и такие законы, которые всего более соответствуют их желаниям и стремлениям»⁴². Мексиканское правительство немедленно откликнулось на антисоветскую кампанию в английской и американской печати, вызванную заявлением наркома иностранных дел Чичерина на III сессии Центрального исполнительного комитета СССР в Тифлисе 20 марта 1925 г. о том, что СССР установил дружественные отношения с Мексикой, и теперь у него там есть «база». Президент Кальес заверил мир, что Мексика «живет и руководствуется только собственными институтами»⁴³.

Луис Моронес, мексиканский профсоюзный деятель и политик

Пестковский часто встречался в полпредстве с мексиканскими коммунистами и лидерами Национальной крестьянской лиги, которых он пытался «обратить в коммунизм», выступал на митингах. Это дало повод американской прессе развернуть против него кампанию, а правоконсервативная организация «Рыцари Колумба» (Knights of Columbus)* даже объявила сбор пожертвований на «освобождение США от пропаганды Советской России»⁴⁴. Свои непосредственные дипломатические обязанности полпред также понимал своеобразно, позволяя себе заявлять о единстве интересов СССР и стран Латинской Америки, а также обсуждать «возможности совместной работы против Соединенных Штатов» с японскими дипломатами, оправдывая это тем, что «разговор носил исключительно академический характер»⁴⁵.

К осени 1925 г. его просчеты стали предметом обсуждения между НКВД и ЦК ВКП(б), когда замнаркома иностранных дел Максим Максимович Литвинов в записке Льву Давидовичу Троцкому, на тот момент еще входившему в состав Политбюро ЦК, констатировал, что полпред «имеет неверное представление о линии поведения, которой он должен держаться, как дипломат»⁴⁶. В инструкциях Пестковскому от 23 февраля 1926 г. Литвинов привлекал его внимание к тому, что СССР «как государство» не может «вести какую-либо активную работу по сплачиванию их (стран. — А.М.) в Южной Америке против Соединенных Штатов», тем более, недопустимо обсуждать совместные действия против США с японцами. Замнаркома справедливо пенял полпреду на то, что он действует «скорее, как агитатор-пропагандист», хотя и признавал его действия оправданными с «общекommун-

* Американская республиканская организация, действовавшая в южных и восточных штатах США в 1920—1930-е годы. Выступала против иммигрантов и, как «респектабельный вариант» Ку-клукс-клана, против чернокожих. Активно финансировала газетные кампании против СССР и революционных движений в Латинской Америке.

Станислав Станиславович Пестковский

стической, революционной точки зрения»⁴⁷. В значительной степени эти недостатки и стали причиной отзыва Пестковского из Мексики.

Однако нельзя отрицать и положительного вклада Пестковского в советско-мексиканские отношения. Он первым поставил вопрос о необходимости выстраивать советскую дипломатическую линию в Мексике с учетом американо-мексиканских отношений, а также не тешить себя надеждами, что интересам СССР могут помочь противоречия между США и Великобританией. До получения дипломатического признания со стороны США и других стран Латинской Америки, писал он, СССР обречен «испытывать колебания» в отношениях с Мексикой. Наконец, советский полпред правильно подметил понимание Соединенными Штатами невыгодности вооруженной ин-

тервенции в Мексику. США, по его мнению, не станут приводить к власти правительство противников аграрной реформы, рабочей и нефтяной политики Кальеса, которое будет непопулярным и недолговечным⁴⁸. После принятия в декабре 1925 г. Органического закона по нефти, открывшего дорогу к изъятию у американцев нефтеносных земель, отношения США и Мексики начали стремительно ухудшаться, что побудило лидеров последней пойти на большее (хотя бы внешне) сближение с Москвой. В то же время Мехико, инициируя кризисы в нефтяной сфере, сам выступал с предложениями по их урегулированию и не спешил сжигать мосты в отношениях с северным соседом⁴⁹.

Осмыслив историю Мексики и увидев независимость и активность аграристов, советский дипломат призывал к тому, чтобы учитывать исключительную важность крестьянского движения, недопустимость ставки лишь на рабочих⁵⁰. Состояние мексиканской армии также получило в донесениях Пестковского вполне объективную характеристику. Ранее генштабу Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) для анализа военной обстановки в Латинской Америке были доступны только газетные сводки⁵¹. Во время пребывания на посту полпреда Пестковский также руководил пропагандой о жизни в СССР для Мексики по линии РОСТА (Российского телеграфного агентства)⁵².

При Пестковском Мексику посетили первые советские научные делегации. В 1925 г. туда прибыл географ Борис Федорович Добрынин, которого Мексиканское географическое общество избрало своим действительным членом. В том же году в Мексике и других странах Латинской Америки провела большую работу экспедиция Всесоюзного института прикладной ботаники во главе с Юрием Николаевичем Вороновым, которую курировал Николай Иванович Вавилов⁵³. Примечательно, что по информации, полу-

ченной советским полпредством от латиноамериканских ученых и рабочих организаций, Воронов попал в поле зрения советских карательных органов за антисоветские высказывания⁵⁴. Из этого можно сделать вывод, что внешняя политика Кремля находила в регионе «целевую аудиторию», в том числе благодаря действиям полпредства. Помощью Пестковского пользовались поэт Владимир Маяковский, один из кумиров мексиканской читающей публики, и советские спортсмены, приезжавшие в страну.

Пестковский сформулировал задачу создания «единого фронта» в мексиканском рабочем движении с главной опорой на независимые профсоюзы железнодорожников и текстильщиков. Он планировал добиться ослабления официальной CROM и второго по значению мексиканского профсоюза — анархосиндикалистской Всеобщей конфедерации труда (Confederación General de Trabajadores, CGT)⁵⁵. Последнее было непросто, поскольку даже рабочий атташе мексиканского посольства в Москве, член CGT Эулалио Мартинес, покинул свой пост, обвинив советские власти в слежке за ним, а также во вмешательстве во внутренние дела Мексики, солидаризировавшись с антисоветской позицией CROM⁵⁶. Пестковский и его группа считали наиболее выгодным использовать общую антиимпериалистическую ориентацию мексиканского правительства и латиноамериканского рабочего движения. Результатом этой линии стало начало издания газеты Всеамериканской антиимпериалистической лиги «El Libertador» и расширение сотрудничества Коминтерна с освободительными движениями Кубы и Венесуэлы⁵⁷.

Отмечая рост антиамериканских настроений среди интеллигенции, рабочих, студентов по мере роста экономической экспансии США, Пестковский сообщал: «...Мексиканские революционные правительства, начиная с Каррансы, пытаются организовать вокруг себя не только общественное мнение Латинской Америки, но даже встали на путь непосредственного активного влияния на внутренние дела латиноамериканских стран». Подтверждением этого стала помощь, оказанная в 1926—1928 гг. мексиканским правительством войскам либералов под командованием Аугусто Сесара Сандино в Никарагуа, боровшимся за восстановление законных властей страны против американской интервенции: Мексика снабжала повстанцев оружием и боеприпасами, несмотря на протесты США⁵⁸.

Так, постепенно, приходило болезненное осознание того, что в Западном полушарии Москва и Коминтерн не обладают монополией на «революционность»: «Без преувеличения можно сказать, что Мексика

Хесус Сильва Эрсог, мексиканский ученый и публицист, посол в СССР в 1928—1930 гг.

Александра Михайловна Коллонтай на встрече с генералом Плутарко Элиасом Кальесом, президентом Мексики в 1924—1928 гг.

играет сейчас в Латинской Америке ту же роль, какую Кантон играет в Китае»⁵⁹. Однако в двух книгах, написанных Пестковским под псевдонимами в конце 20-х годов, мексиканский правящий режим характеризовался им как военно-полицейская полуфашистская мелкобуржуазная диктатура⁶⁰.

На смену Пестковскому была направлена Александра Михайловна Коллонтай, видный деятель большевистской партии, прославившаяся своей практической и теоретической работой

по организации женского движения. В 1923—1926 гг. она была советским полпредом и торгпредом в Норвегии и добилась немалых успехов. Назначению в Мексику предшествовало наставление, полученное ею от Иосифа Виссарионовича Сталина. Генсек требовал: «Вы, как представитель Советского Союза, не должны поддаваться ложным представлениям нарастания революции, до которой Мексике еще далеко». Задача СССР состояла в том, чтобы «не толкать массы на авантюры» и выстраивать с правительством страны «нормальные, дружественные отношения»⁶¹. За полгода, что Коллонтай провела в Мексике (декабрь 1926 — июнь 1927 гг.), ей удалось улучшить имидж СССР и увеличить торговый оборот между двумя странами. Статьи о Коллонтай занимали первые полосы мексиканских и американских газет в течение нескольких месяцев после назначения, вызвав бурную полемику из-за ее славы «нонконформистки» в вопросах брака и семьи⁶². Коллонтай успешно отражала нападки в свой адрес со стороны CROM, госдепартамента США, президента Кальеса и мексиканского МИД. Она не появлялась на собраниях КПМ, заявив, что «не собирается идти по стопам Пестковского»⁶³.

Коллонтай, как и Пестковский, признавала авангардную роль Мексики в регионе, но призывала прекратить шельмование мексиканского правительства в советской печати как «мелкобуржуазного»⁶⁴. Показательно, что в письме к члену ИККИ, финскому коммунисту Отто Куусинену она указывала на необходимость скорее прислать в Мексику агента Коминтерна, так как не собиралась сама выступать в качестве такового⁶⁵. Однако в духе большевистских установок писала: «при всех многочисленных восстаниях настоящей революции здесь еще не было»⁶⁶.

В 1925—1926 гг. объем товарооборота между Мексикой и СССР составил 1,9 млн рублей. За 1926—1927 гг. вырос импорт мексиканских металлов, главным образом свинца. Советские пиломатериалы во второй полови-

не 1920-х годов были на мексиканском рынке вне конкуренции⁶⁷. Факторы, существенно ослаблявшие шансы СССР прочно закрепиться здесь, заключались в трудности поддержания взаимовыгодной торговли из-за недостаточной эффективности советского торгового флота и в наличии аналогичной продукции в США. Советский экспорт в Мексику был почти исключительно сырьевым, что было серьезной помехой для успешной конкуренции⁶⁸. Коллонтай констатировала: «Мексика в торговом договоре не заинтересована. Торговый договор станет актуальным лишь в результате действующих торговых операций, требующих регулировки ряда практически не разрешенных вопросов. Поэтому... нам следует усилить деятельность торгпредства в Мексике»⁶⁹. Без выполнения этой главной задачи должность полпреда казалась ей бессмысленной. Коллонтай пришлось досрочно завершить свои полномочия главным образом из-за болезни.

КРИЗИС И РАЗРЫВ СОВЕТСКО-МЕКСИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Охлаждение между Москвой и Мехико произошло уже весной 1928 г. Причины были как глобальные (тревожные ожидания войны в СССР с «мировым империализмом» и связанный с ними «левый поворот» в Коминтерне, когда эта организация начала активно подталкивать коммунистические партии разных стран к подготовке вооруженной борьбы против своих правительств), так и внутренние мексиканские (убийство полицией готовивших восстание коммунистов в мае 1928 г.)⁷⁰. На VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. был принят лозунг о борьбе с «социал-фашизмом», покончивший с прежней поддержкой «революционно-демократических» правительств Мексики⁷¹. Предполагалась борьба за создание «советского» правительства из промышленного пролетариата и крестьянства⁷².

В духе новой линии Коминтерна коммунисты устраивали агрессивные митинги протеста у мексиканских дипломатических представительств в разных странах, в том числе и в СССР. Мексиканский посол Хесус Сильва Эрсог чувствовал себя в Москве в полной изоляции, рисуя в своих донесениях картину сталинизации партии, государства и общества⁷³. В Мексике сменивший Коллонтай полпред Александр Михайлович Макар (Свиф) выступал как организатор всего мексиканского коммунистического подполья. Временный президент Эмилио Портес Хиль (1928—1930) в своих мемуарах сообщал о наличии у него точной информации о прибытии в Мексику агентов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) для подготовки убийств высокопоставленных мексиканских чиновников. Беседы с полпредом о том, что Мексика является другом СССР, возможно, в ущерб своим интересам, ни к чему не приводили, и компартия была запрещена⁷⁴. 24 января 1930 г. новый президент Паскуаль Ортис Рубио объявил о разрыве отношений с СССР. А.М.Макар был выслан из страны, а имущество полпреда и торгпредства на время арестовали вместе с их сотрудниками. Торгпредство к тому времени уже работало в убыток⁷⁵.

Причиной ухудшения отношений с Москвой, не в последнюю очередь, стало урегулирование с Вашингтоном вопросов о мексиканском долге и положении американских нефтяных компаний осенью 1927 г. Однако дело тут было не в раблепии перед США, так как режим «революционного на-

ционализма» и без того считал коммунизм вредной идеологией. Как писал американский историк Коул Блейзер, советские интересы в Латинской Америке зачастую становились заложниками местных националистической элит, делавших из коммунистов «козла отпущения» для решения внутренних проблем⁷⁶. Традиционной чертой внешней политики Мексики было балансирование между различными державами. В годы мексиканской революции роль противовеса США играла Германия. После ее поражения в мировой войне логичным шагом стало сближение со Страной Советов, но с точки зрения мексиканских политиков потребность в нем к началу 30-х годов отпала. Авторы советской внешней политики также подвели догматически понятые марксистские представления о буржуазно-демократической и социалистической революциях, которые не вписывались в латиноамериканские реалии, что приводило к отчуждению социальных сил, способных стать союзниками. Дипломатические отношения СССР и Мексики были восстановлены лишь в 1943 г., когда обе страны стали союзниками во Второй мировой войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.И.Сизоненко. Царская дипломатия и Латинская Америка. — Новая и новейшая история. М., 2013, № 5, с. 183—188.

² К.Р.Буйнов. Далекое близкое: русские путешественники XIX в. о рабстве в Латинской Америке. — Вестник Московского государственного университета. Серия 8: История. 2013, № 5, с. 3—11.

³ W.H.R I c h a r d s o n. Mexico Through Russian Eyes, 1806–1940. Pittsburgh, 1988, p. 95–96, 210—215.

⁴ А.И.Сизоненко. В стране ацтекского орла: первые советские полпреды в Мексике. М., 1969; е г о ж е. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений (1924—1970 гг.). М., 1971; е г о ж е. Становление отношений СССР со странами Латинской Америки. М., 1981; е г о ж е. Непроторенными путями: первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988; е г о ж е. Станислав Пестковский — первый советский полпред в Мексике. — Дипломатический ежегодник 1990. М., 1992, с. 373—384.

⁵ В.Л.Хейфец. Коммунистический Интернационал и Латинская Америка, 1919—1921 гг. Дисс. кан. ист. наук. СПб, 1997; В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Москва—Мехико, 1919. Еще раз о мексиканской миссии М.М.Бородин. — Латинская Америка, 2000, № 8, с. 72–86; № 9, с. 24—43; В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей: Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб, 2002; В.Л.Хейфец. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. М., 2006; е г о ж е. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. Дисс. док. ист. наук. СПб, 2010.

⁶ H.C á r d e n a s. Historia de las relaciones diplomáticas entre México y Rusia. México, 1993, p. 144.

⁷ Ibidem, p. 145.

⁸ M.S a n t i a g o. Culture Clash: Foreign Oil and Indigenous People in Northern Veracruz, Mexico, 1900—1921. — Journal of American History. Vol. 99, № 1 (2012). A Special Issue: Oil in American History, p. 65—70.

⁹ В.Л.Хейфец. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. Дисс. док. ист. наук. СПб, 2010, с. 75—78.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 170, оп. 512/1, д. 514, л. 22—23.

¹¹ H.G a l i n d o. La doctrina Carranza y el acercamiento indolatino. México, 1919.

¹² Л.Н.Нежинский. Зарождение доктринальных основ советской внешней политики (1917—1921 гг.). — Советская внешняя политика в ретроспективе. М., 1993, с. 24.

¹³ А.Ю.Ватлин. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009, с. 144—148.

- ¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 497, оп. 2, д. 1, л. 3.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 2, д. 5а, л. 2; д. 3, л. 105.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 108, д. 3, л. 11—12.
- ¹⁷ В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Москва—Мехико, 1919. Еще раз о мексиканской миссии М.М. Бородина, № 8, с. 72—86; № 9, с. 24—43.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 108, д. 1, л. 9—10.
- ¹⁹ Á. C ó r d o v a. La ideología de la Revolución Mexicana: formación del nuevo régimen. México, 1973, p. 266—276.
- ²⁰ А.С.Шешков. Идеинная борьба в политической элите Мексики в 1920-е гг. Дисс. кан. ист. наук. М., 2009, с. 63—86.
- ²¹ H.A.L e v e n s t e i n. Labor Organizations in the United States and Mexico: A History of Their Relations. Westport (Conn.), 1971, p. 94—101.
- ²² R.F.S m i t h. The United States and Revolutionary Nationalism in Mexico, 1916—1932. Chicago and L., 1972, p. 204—223.
- ²³ La internacional comunista en México: los primeros tropiezos. Documentos, 1919—1922. México, 2006, p. 34, 126—127.
- ²⁴ В.Л.Хейфец. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб, 2010, с. 82—85.
- ²⁵ G.H.M o n t e ó n. La ayuda de México a la Rusia revolucionaria: una página extraviada. — México—URSS: amistad, ciencia y cultura. México, 1984, p. 9—12.
- ²⁶ Ibid., p. 15—20.
- ²⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0110, оп. 1, п. 101, д. 1, л. 2—4.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 2, п. 101, д. 1, л. 1, 3, 9; Советско-мексиканские отношения (1917—1980 гг.). М., 1981, с. 16.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 2, п. 101, д. 2, л. 2—5, 8—15.
- ³⁰ Там же, л. 6.
- ³¹ Советско-мексиканские отношения (1917—1980 гг.), с. 14—19.
- ³² АВП РФ. Ф. 0110, оп. 4, п. 101, д. 1, л. 1.
- ³³ В.Л.Хейфец. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики, с. 182—183.
- ³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. М., 1963, с. 369—370, 392—393.
- ³⁵ В.Л.Хейфец. Указ. соч., с. 277.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 4, п. 101, д. 1, л. 6.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 58—59.
- ³⁸ Там же, л. 77.
- ³⁹ Там же, л. 78.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 108, д. 39, л. 12—16; д. 46, л. 6—11; д. 61, л. 75—82.
- ⁴¹ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 103.
- ⁴² Á. O b r e g ó n. Sobre la revolución rusa. — Цит. по: N.B a s s o l s B a t a l l a. El pensamiento político de Álvaro Obregón. México, 1967, p. 172.
- ⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. М., 1963, с. 535—537.
- ⁴⁴ The New York Times, 10.V.1925.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 108, д. 65, л. 32.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 113, 130.
- ⁴⁷ Там же, л. 154.
- ⁴⁸ Там же, л. 155—159.
- ⁴⁹ Там же, л. 113, 128, 135.
- ⁵⁰ О.В.Корнилова. На грани войны: американо-мексиканские отношения и соглашение Морроу-Кальеса (1925—1927). — Латинская Америка, 2012, № 12, с. 66—67.
- ⁵¹ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 186.
- ⁵² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7, оп. 2, д. 732, л. 282—283.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 15—17.

- ⁵⁴ А.И.С и з о н е н к о. Непроторенными путями: первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988, с. 28—31, 69—74.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 211, 212—214.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 19, д. 179, л. 22.
- ⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 263—265, 268, 271—272.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 19, д. 179, л. 23—24.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 172.
- ⁵⁸ Там же, л. 171.
- ⁶⁰ Д.О р т е г а. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике. М.-Л., 1928, с. 137—138; А.В о л ь с к и й. История мексиканских революций. М.-Л., 1928, с. 197—202.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 134, оп. 3, д. 7, л. 6—8.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 134, оп. 2, д. 43, л. 1—59.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 134, оп. 3, д. 7, л. 26.
- ⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0110, оп. 3, п. 101, д. 2, л. 160—161.
- ⁶⁵ В.Н.К у т е й щ и к о в а. Еще раз о первых советских полпредах в Мексике. — Латинская Америка, 1994, № 1, с. 103.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 134, оп. 3, д. 7, л. 45.
- ⁶⁷ В.М.М а р ч е н к о. Советско-мексиканские дипломатические и торговые отношения в 20-е и 30-е гг. — Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 1. Л., 1969, с. 188—189.
- ⁶⁸ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960, с. 1096—1099.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 134, оп. 3, д. 7, л. 123.
- ⁷⁰ J.S i l v a H e r z o g. De lo hecho y de lo escrito. Un mal momento en las relaciones mexicano-soviéticas (1928—1930). México, 1977, p. 45.
- ⁷¹ В.Л.Х е й ф е ц. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики, с. 393—405.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 98, л. 9.
- ⁷³ J.S i l v a H e r z o g. Op. cit, p. 79—86.
- ⁷⁴ E.P o r t e s G i l. Quince años de la política mexicana. México, 1954, p. 393—394.
- ⁷⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413, оп. 13, д. 535, л. 2—4, 8—11.
- ⁷⁶ C.B l a s i e r. The Giant's Rival: the USSR and Latin America. Pittsburgh, 1983, p. 18.